

**Борис
ЛУКИН**
с. Архангельское
Московской
области

ПОЕЗД МОСКВА - СЕВАСТОПОЛЬ И ОБРАТНО

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

В майские праздничные дни (со 2 по 9 мая) мне посчастливилось побывать на Донбассе и даже встретить День Победы в Луганске. Долгожданной была неделя в Мариуполе, Урзуфе, Донецке, Луганске. Часть дней выпала на Пятый литературный фестиваль «Звёзды над Донбассом», участником которого я оказался по воле оргкомитета. Они взяли на себя все трудности по организации проезда и проживания. Сегодня по итогам работы о фестивале уже много написано и опубликовано материалов. Я же хочу рассказать совсем о другом, о встреченных мною людях и впечатлениях от городов героической донецкой земли, а назвал эту часть для себя «Города и люди (Донбасский дневник)».

ПЕТРОВСКИЙ ДУБ

Моя судьба на протяжении всей жизни преподносит мне много странностей. Но все они в итоге оказывались закономерными. Правда, каждый раз я и представить не мог, что произойдёт именно это.

В первые месяцы зимы 2012 года жил я в сельце Михайловском Пушкинского заповедника, где, за-

канчивая работу над книгой стихов «LeLь», одновременно обдумывал поэму «Ганнибал». Поэма опубликована в книге «Летосовершенство» и в интернете <https://denliteraturi.ru/article/5807>.

В Мариуполе о поэме «Ганнибал» я бы и не вспомнил. И без того было о чём поразмышлять на героической земле. После приграничного пункта досмотра виды из окна автобуса во время пути из Ростова-на-Дону: всё ещё часть прифронтовой обстановки. Хотя, казалось бы, что может быть более мирного, чем засеянные и обрабатываемые поля, поля, поля. А тут мы, всей группой за движущимся по полю строим сапёров. Вот такая поэтическая реакция последовала после увиденного:

*Сразу за Мариуполем
поля полны минной убыли.
Других здесь в помине нет.
Чтоб убыли жизни не было,
бредут по земле и до неба
минёры.
Жизнь. Жизнь. Жизнь...
...смерть.*

Продолжение. Начало в № 5-6, 7-8 2023 г.

Уже дома прочитал, что разминирование полей под Мариуполем осуществляется почти год, так как противотанковые мины окружены ещё и противопехотными, а это очень затрудняет работу сапёров. В этом нет ничего странного, противник изощрённо жесток. Чего стоит факт постоянного минирования городов минами-«лепестками».

Наша группа приехала в Урзуф раньше всех в запланированные шесть часов вечера, поэтому, заселившись, ранёхонько улеглись спать, устав от долгой дороги и в ожидании следующего непростого фестивального дня. Только вот в четыре утра разбудил меня стук в дверь. Спросонья я толком и не рассматривал заселившегося в номер соседа. К тому же комната была настолько отсыревшая и промерзшая за зиму, что выбираться из-под одеяла с волглого матраца, всё же немного нагретого за прошедшие часы сна, мне очень не хотелось. Потому, нехотя открыв дверь, я стремительно нырнул обратно в постель.

Соседа я увидел уже только на церемонии открытия литературного фестиваля «Звёзды над Донбассом» в спортивной чаше «Купол» Мариупольского государственного университета на улице Металлургов.

Сегодня в «Куполе», единственном здании Мариупольского университета, которое уже восстановили, размещается педагогический факультет, работают спортивные секции. Все корпуса университета в результате боёв были повреждены, но больше всего пострадали корпуса педагогического факультета и факультета филологии и массовых коммуникаций. Здания этих факультетов были огневыми точками украинских националистов.

После обращения к участникам фестиваля Никиты Михалкова и других уважаемых людей слово предоставили Борису Константиновичу Ганнибалу – биологу и исследователю родословной семьи Ганнибал. Он и оказался моим ночным соседом. Говорил Борис Константинович о героической истории русского народа, о его непобедимости. На вид ему было лет шестьдесят пять, хотя, как потом оказалось, родился он в 1946 году. Стройный, крепкий физически, подвижный, радушно улыбающийся мужчина, стал моим добрым товарищем в фестивальные дни.

Мне понравилось его приветственное слово. Уже в Урзуфе я по-настоящему встретил Бориса Константиновича крепким рукопожатием радости за совпадение наших патриотических позиций. С этого и началось наше ежевечернее многочасовое общение и чтение текстов друг друга.

Так я узнал, что мы не просто тёзки – Борисы, но ещё и творческо-житейские однофамильцы, потому что его фамилия срифмовалась с названием моей поэмы. Кстати, курортный Урзуф – вполне писательский посёлок, потому что в наши Набережные улицы (можно сказать, они – берег Азовского моря), как реки, впадали улицы Пушкина, Горького и Шевченко вместе с настоящей Зелёной рекой.

Удивил меня Ганнибал и тем, что, в отличие от большинства гостей, не пил спиртного, не курил и постоянно носил с собой пакет с торчащей из него веткой с почками.

Через пару дней открылась дверь в наш номер, и пришедший попросил передать Ганнибалу этот самый пакет, извинившись, что ничего с дубом в Донецке они сделать не смогли из-за начавшегося обстрела.

И тут я вспомнил, что накануне Борис Константинович рассказывал про своего старшего брата, который в 70-е годы прошлого века собрал со знаменитого Петровского дуба жёлуди и вырастил из них целую дубраву. Из жёлудя с одного из «петровских потомков» и вырос «внучок», которого Ганнибал захватил с собой в город-герой Мариуполь, чтобы рос дуб древнего русского рода на исконных землях российских.

Много мы говорили в эти дни о войне, о парнях и, конечно, о моем погибшем сыне. Постоянно помня об Иване и его любви к Питеру, решил я выпросить дубок-саженец, чтобы посадить его в своём саду в память о сыне. Много лет назад Ваня посадил первый дубок на нашем сельском участке, деревце прибавляло в высоту медленно, почти незаметно. И вот в последний его приезд в отпуск поздней осенью 2022 года Иван вдруг, остановившись возле него, поднял руку вверх и с удивлением отметил, что за почти два года службы обогнал его в росте дубок.

Рассказал я эту историю Ганнибалу, дополнил её другой, про ещё десять посаженных сыном дубков, которые не сгорели от весеннего пала просто чудом, как мы с сыном ежедневно отливали их обгоревшие стволы и радовались, когда на всех веточках появились листья.

В тот день в Урзуфе Ганнибал передал мне саженец, а вместе с ним и заламинированную страничку с репродукцией и информацией о его родовой истории.

ДУБ ЧЕРЕШЧАТЫЙ ИЛИ ОБЫКНОВЕННЫЙ (*Quercus robur*)

Саженец из питомника семьи Ганнибалов (Санкт-Петербург), представляющий потомство экземпляра дуба, посаженного Петром Великим на Каменном острове города на Неве в 1715 году.

Жёлуди мемориального дуба сняты непосредственно с этого дерева в 1974 г.

Юрием Ганнибалом.

Выращенные из них «дети» дали потомство, и данный экземпляр представляет уже внучатое поколение знаменитого дуба.

Все факты подтверждаются при дарении потомком Абрама Петровича Ганнибала (арапа Петра Великого) –

Борисом Ганнибалом.

Санкт-Петербург – Донбасс. Май 2023 г.

Борис Константинович, как профессиональный биолог, сделал всё, чтобы деревце доехало до Подмосковья, добавил земли и дополнительно увлажнил корни. Это пришлось сделать водой из чайника, потому что из крана текла постоянно только морская азовская солёная вода, вода русского моря, которое уже год как вновь стало внутренним, российским.

Не могу не рассказать о дальнейшей судьбе саженца. Прежде чем доехать до подмосковного села и прижиться в его земле, дубку предстояло посетить вместе со мной Мариуполь, Донецк, Луганск и Москву. Такой вот путешественник.

Конечно, Борис Константинович Ганнибал – романтик. И мне показалось, что среди присутствовавших – чуть ли не самый романтичный и патристичный человек. Иначе зачем он с таким упорством искал в Мариуполе и Донецке людей, понимающих знаковую высадку Петровского дуба в Новоросси. Конечно, может, и правильнее было бы оставить дуб в Таганроге, основанном Петром I. Но позже лучшее место для него я нашёл у подножия мемориала Саур-Могилы. Там оказался уже целый парк «Русский лес», среди деревьев есть и саженец «Дуб-великан», выращенный на опытном участке Музея-заповедника писателя М.А. Шолохова и высаженный 8 сентября 2021 года в рамках проведения всероссийской акции мото клубом «Ночные волки». Дубок этот – потомок 420-летнего памятника природы «Дуба-великана», самого старого в Южном федеральном округе. А ещё важно, что место, где растёт знаменитый Великан, было излюбленным для прогулок Михаила Шолохова.

Жаль, что во время моей поездки к Саур-Могиле

саженец оставался в донецкой гостинице. Обязательно расскажу об этом Ганнибалу и, вернувшись с новым саженцем в Донецк, постараюсь выполнить эту задумку.

ПОМОГИТЕ МНЕ...

Вполдень 7 мая я стоял возле своего чёрного чемодана, красного рюкзака и пакетика с Петровским дубом на центральной площади Мариуполя у стен драматического театра. Планы были намечены мною ещё в Москве. Я впервые должен был находиться в городе несколько дней, а не час-полтора.

Мечтал я и переночевать в Мариуполе, но оказалось, что это пока невозможно. Почему переночевать? В прошлые мои поездки я видел город рано утром и почти в полночь, но не смог прочувствовать его жизнь, пережившего смерть и живущего возрождением. У стен драмтеатра я вспоминал сентябрьский концерт Кремлёвского симфонического оркестра, участником которого был (Подробнее о концерте:

часть 4, <http://sever-journal.ru/assets...05...143.Lukincompressed.pdf>).

Вспоминал и ждал Виктора Дмитриевича Ищенко – депутата ДНР, баллотировавшегося по Мариупольскому округу, откликнувшегося на мою просьбу показать не только город-герой, но и Донецк и Луганск.

Депутат, врач по профессии, повоевавший в дни Русской весны 2014 года, оказался радушным человеком. Но депутатство накладывает на человека обязательства, одно из них в эти майские дни – встреча с мариупольцами, пережившими Великую Отечественную войну, поздравление их с наступающим Днём Победы и помощь в решении бытовых проблем.

Подъехать к девятиэтажке оказалось непросто. Мариуполь восстанавливается – одни дома уже разобраны вплоть до фундамента, другие, разрушенные частично, активно ремонтируются, поэтому многие улицы закрыты для проезда. На подъездах уже начинали восстанавливать замки. Код нам пришлось подбирать нехитрым способом.

Лифт, правда, ещё не работал, а на лестничных клетках громоздились старые радиаторы отопления и трубы. Ожидающая нас семья жила где-то под самой крышей. Первыми словами открывшей дверь женщины пенсионного возраста были извинения за производимый ремонт и неработающий лифт, как будто они виноваты в том, что прежняя власть тридцать лет не отремонтировала жилищный фонд, а война добавила бед.

В стандартной однушке жили 92-летняя мать и её дочь.

Почти столетняя седовласая женщина смотрела на меня абсолютно молодым взглядом серых, не выцветших за жизнь глаз. Взглядом чистым, открытым, милосердно-страдальческим. Лишь лицо, усыпанное тёмными пигментными пятнышками, выдавало серьёзный возраст.

Женщины в любом возрасте – женщины, поэтому фантастический букет из живых цветов привёл долгожительницу в восторг. В её биографии было предвоенное детство и юность с успешной учёбой и отличным знанием немецкого языка, знанием, спасшим её после отправки на работы в Германию. СССР победил, а она выжила, самостоятельно вернулась домой, создала семью, воспитала достойную дочь, которая в 2014 году, когда политики и олигархи не дали войскам Новороссии взять Мариуполь, была уволена из библиотеки за нежелание участвовать в списании русскоязычных книг.

Две женщины откровенно рассказывали обо всём пережитом в прошлом 2022 году: с марта до конца лета не было ни воды, ни электричества, еду готовили на улице у подъезда. В подвал во время обстрелов спустились только однажды. Опыт возвращения без лифта на свой космический этаж оказался страшнее риска погнубить в собственной квартире. Соседи помогали во всём. Женщины привыкли запирали квартиру, а тут пришлось даже ночью держать входную дверь открытой, сосед объяснил, что в случае попадания снаряда в квартиру открытая дверь поможет выжить, до них можно будет добраться и оказать помощь. Так и оказалось однажды, когда через квартиру пролетел осколок, выбив окно на кухне и остановившись только в подъездной стене.

Мы уже полчаса слушаем рассказы женщин о жизни, на столе гора документов и семейных наград советского периода. Я рассматриваю комнату, и мне приятно видеть книжные шкафы, в которых имена русских классиков на переплётках, на стенах обилие репродукций и картин, среди которых к лермонтовскому «Мцыри» – «Бой с барсом». В один из моментов нам достают с полки две книги, очень важные для этой семьи. Обе книги на животрепещущую тему: «Мариуполь 1941–1943» и «Чтобы жизнь продолжалась. Приазовье в период оккупации, 1941–1943». Великая Отечественная настолько вошла в жизнь этой семьи, как и в судьбы почти всех жителей СССР, что разговор наш шёл в основном об утерянном прошлом и о возвращении в Россию. Мы могли бы так просидеть ещё несколько часов, если бы с обеда не вернулись рабочие (я не успел

спросить у них, из какого региона России они приехали), меняющие систему отопления, включившие свои дрели и прочие машинки. Но перед самым уходом депутат не мог не задать свой самый важный вопрос: «Чем помочь? Есть ли проблемы?»

– Есть, – ответила дочь.

Не знаю, как Ищенко, но я напрягся, словно это в мой адрес сейчас выплеснется обида или наболевшая проблема.

– Я вас очень прошу помочь мне...

– Да. Готов. Говорите. Постараюсь всё сделать, чтобы решить ваши вопросы.

– Хотя российского паспорта пока нет, но я уже с осени получаю пенсию в 10 тысяч рублей. Но дело в другом. Никак не могу найти людей или организацию, которые помогли бы мне ежемесячно перечислять из пенсии 1000 рублей в помощь фронту.

Тут возникла та самая мхатовская пауза, после которой обязательно понимается, что предыдущий момент был самым главным.

Мы ехали из Мариуполя в Донецк и вспоминали-вспоминали про эту женщину, живущую с единственным желанием-мечтой – отдать часть своего мизерного дохода для нашей общей Победы.

ИДИТЕ СЛЕД В СЛЕД...

Мариупольские поездки с Виктором Ищенко (в неофициальной обстановке мы перешли к обращению по именам) закономерно привели на «Азовсталь». Точнее, к самым его стенам, туда, где ещё сохранились развалины мариупольского «дома Павлова». В этом доме в середине марта 2022 года оказалась в окружении разведгруппа из 75 бойцов 810-й бригады морпехов и спецподразделения ГРУ; во время попытки самоэвакуации, прикрывая отход однополчан, и погиб мой сын – разведчик-пулеметчик Иван Лукин. В прежние свои посещения я не смог забраться в само здание, времени было мало, да и без этого многое надо было рассмотреть, понять, сфотографировать, не все подходы были разминированы.

На этот раз рядом со мной был Виктор Ищенко. Да и не рядом он шёл, а всегда впереди со словами: «Идите след в след... Я всё-таки повоюю успел». Так мы и проникли на первый этаж мариупольского «дома Павлова». Вот он – предбанничек с лестничным пролётом, посередине которого на сложенных матрасах с пулемётом в изголовье провёл последнюю ночь своей жизни сын.

Над головой свисали бетонные блоки и обломки мебели, а под ногами книги, везде только книги. Никогда в своей жизни не ходил по книгам.

Когда-то в классе седьмом пришлось топтаться по собранной в школе горе макулатуры, но только до той поры, пока под ногами не оказалась книга: «Война и мир», первый том, он был без обложки и нескольких начальных страниц. Мне до сих пор кажется, что роман этот надо было начинать именно с этих слов: «*Qu'a-t-on décidé? On a décidé que Buonaparte a brûlé ses vaisseaux, et je crois que nous sommes en train de brûler les nôtres*». (Что решили? Решили, что Бонапарте сжёг свои корабли, и мы тоже, кажется, готовы сжечь наши.) Чехов, наверное, так бы и начал...

Как ни странно, под ногами все книги были на русском языке (по крайней мере, те, что я смог разглядеть), книги тех самых авторов, которых я и мой сын читали в своём детстве: Дюма, Конан Дойль, Жюль Верн, детективы и фантастика. Книги лежали толстым слоем, высотой почти по колено. Трагизм происходящего для меня возводился в квадрат и куб: отец солдата, писатель, сын – писатель и студент Литературного института, воспоминания о переписке с сыном о творчестве Жоржа Сименона, а ещё раньше – встречи с фантастом Евгением Войскунским, с которым мы с сыном разговаривали о значении приключенческой литературы в формировании человека мыслящего, мечтающего, верящего в то, что будущее будет обязательно лучше прошлого и настоящего.

Выбравшись из развалин «дома Павлова», проследовали мы к пятиэтажному бетонному недострою, то ли гараж, то ли цеха в нём должны были быть размещены. Место это при штурме «Азовстали» было знаковым. Уже дома попадётся мне на глаза отрывок из книги Владлена Татарского «Мариуполь»: «Мы мчим по Левому берегу в район улицы Лепорского к недостроенной 5-этажке. Буквально 10 дней назад я со Стешиным, «Гудвином» лазил здесь, снимая битую технику. Сейчас тут небезопасно. Хохлы от души насыпают сюда из АГСа и поливают стрелковой...»

Недострой этот был позициями для снайперов и гранатомётчиков. Узнал я об этом от сослуживца сына, наводчика с позывным «Чон», который после атаки противника на наших бойцов тем горьким утром уничтожил троих снайперов. До его рассказа я очень хотел оказаться на суде над азовсталскими снайпершами, но он меня успокоил. Нет в живых тех, кто стрелял в сердце гвардии матроса Ивана Лукина и в его однополчан. Профессионально выждав паузу, стрелок-наводчик прицельным огнём уничтожил врагов одного за другим. Об этом он рассказал мне во время своего приезда в наш дом, так как они договори-

лись с сыном в случае гибели кого-то из них посетить родителей и всё рассказать.

Здание находится с другой стороны улицы Гравёрной, огороженное забором. Но в каждом заборе есть лазейка. Май в Мариуполе – как в Подмосковье июнь, трава по пояс, всё цветёт, поэтому смотрели под ноги особенно внимательно. Как же не смотреть, если всего месяц назад в том же месте отец лейтенанта морпеха, погибшего вместе с моим сыном, нашёл и снял растяжку.

Нас эта беда миновала. И мы, не задерживаясь на первом этаже, сразу начали подниматься по широкой лестнице без перил на следующий этаж. Слева от лестницы была глубокая ниша, такие же мы увидим на следующих этажах, обе стены были почти полуметровой толщины, отличное место для укрытия и настенных надписей (пару ласковых в адрес «азовцев» и подпись «Татарин Z»). Как укрытие для часового его и использовали вёзсушники, а позже – наши бойцы. На полу были разбросаны несколько матрасов, стулья, различная гражданская одежда, ящики и коробки из-под патронов и гранатомётов, консервные открывалки, ножи, зубные щётки и книги, множество не откупоренных консервных банок. Опять книги... И опять на русском языке. Целенаправленно укрылись по сознанию, чтобы исказить его. Вот только тексты в них были совсем другие. Я специально полистал и даже сфотографировал их: «Загадки истории. Третий рейх» (Харьков, 2013), переводная антология детективов «Побег из смерти» 1991 года издания, в которой я обратил внимание на текст с названием «Трагедия «Z».

И как привет из апреля 2022 года – топор на полу с надписью «107 СП 4 СБ СВз «Скелет». Надеюсь, что ты жив – русский воин из 4-го стрелкового батальона 107-го стрелкового полка Народной милиции ДНР, освобождавший Левобережный район Мариуполя.

Начиная с третьего, все этажи были похожи один на другой: отнесённая вглубь здания огневая позиция из ящиков и бетонных блоков, наблюдательные пункты в различных местах с удобными лёжками для стрелков – одни опорные столбы без стен и всё пустое пространство завалено стреляными гильзами разного калибра, звенящими под ногами при ходьбе, горами отстрелянных труб отечественных гранатомётов «Муха», огнемётов «Шмель», ПТРК «Фагот» (9М 111), а рядом иностранного производства, и тут же почему-то никуда не улетевшие полуобгоревшие ракеты и хвостовики миномётных снарядов и какие-то непонятные мне остатки вооружения. В общем, мне как человеку гражданско-

му очень захотелось прихватить хотя бы по одному образцу для школьного музея...

С самого последнего этажа открывался вид на все стороны света, далеко-далеко... Вот «Азовсталь», комбинат готовится стать технопарком.

Звучит красиво, но никак не могу представить себе, что после Победы мы будем водить в этот парк своих детей или внуков, помня, какие зверства творили изверги из националистических подразделений, устроившие себе в этих катакомбах укрытие.

Частный сектор, начинающийся от перекрестка улиц Лепорского и Гурьевской, спустя год после окончания боёв растащен и доразрушен, но это уже руками местных жителей, пытающихся выжить, отстроить хоть что-то, пусть даже из собранного в руинах. В детстве я много налазил по недостроям и сносимым домам, но они даже пахли иначе, не говоря уже об ощущении: невозможно отделаться в мариупольских кварталах от присутствия смерти на каждом квадратном метре.

Задержались мы дольше намеченного не только потому, что я долго снимал и фотографировал со всех ракурсов, но пришлось ещё и открывать все ящики из-под гранатомётов, а их было под сотню, и следом перебрать горы труб, чтобы убедиться, что на дату 7 мая 2023 года ничего угрожающего жизни мариупольцев здесь нет.

ПРАВИЛО ДВУХ СТЕН

Дорога на автобусе из Мариуполя до Урзуфа (полдороги до Бердянска) занимает около полутора часов. И всё потому, что после поворота с трассы E58 в Мангуше асфальт почти пропадает. Времени достаточно, чтобы пообщаться. В один из дней ко мне под села говорливая молодая женщина, как и все вокруг не знавшая о моей судьбе, а тем более творчестве, ничего. Я же по старой газетной привычке специально посмотрел биографии некоторых из трехсот участников фестиваля «Звёзды над Донбассом». Как ни странно, моя собеседница как раз относилась к тем, чья биография меня заинтересовала. Ольга Ерёмкина, судя по справке в интернете, – *российская писательница, поэтесса, филолог, педагог, методист, редактор. Исследовательница литературного творчества учёного-палеонтолога и писателя-фантаста И.А.Ефремова (совместно с мужем-соавтором).*

Как оказалось, я заочно был с ней знаком. Есть в моей жизни довольно большой отрезок, посвящённый работе в школе. Ежедневное преподава-

ние русского языка и литературы вынудили меня прибегать к методическим разработкам, без которых о свободном времени не пришлось бы даже мечтать, а мне ещё остро необходимо было найти время для творческих занятий. Полезная наработка есть в методических разработках Ерёмкиной для учебника литературы 6 класса:

«К определению художественного произведения добавим запись о том, что в художественном произведении отражается окружающая действительность и личность автора.

– *Кто такой автор?*

** Автор – это создатель литературного произведения. В произведении автор высказывает свои мысли и чувства, даёт свою оценку реальности.*

– *Для чего автор создаёт свои произведения? Какова роль читателя художественного произведения? Если бы вы были авторами, для каких читателей вы хотели бы писать?*

В ходе ответов на эти вопросы важно привести учеников к мысли об активной роли читателя. Если читатель переживает вместе с героями произведения, цитирует фразы из него, отождествляет себя с одним из героев, это значит, что в произведении находит выражение не только личность автора, но и личность читателя. Функция самовыражения особенно ярко видна, когда нам кажется, что автор произведения сказал о том, что мы давно думали и чувствовали, но не могли объяснить».

Не мог я не сказать, как долго её книги помогали мне сохранить себя для творчества во время преподавания в школе и в институте. Это было в промежутках, когда она говорила, как трудно было ей столько лет писать эти методички, а хотелось работать над своими книгами. Но она завершила этот труд для всего курса школы. Удовлетворение слышалось в её голосе. А мой взгляд, уверен, излучал благодарность.

Тут она сразу же переключилась на рассказ о многолетней работе (в соавторстве с мужем Николаем Смирновым) над биографией фантаста и учёного Ивана Ефремова. На фестивале я так и не смог побывать на презентации её работ, если честно, даже не знаю, была ли такая вообще запланирована.

Но наша встреча с автором книги из серии ЖЗЛ «Иван Ефремов» состоялась. Отрадно, когда судьба преподносит знакомство с бессребрениками, фанатично преданными русской культуре. Смотрю на них, слушаю, радуюсь таким подаркам. Иногда, если посчастливится, удаётся общаться не один год. Но главное – мне после знакомства с ними намного легче становится жить и работать. Пони-

мание, что ты не один в хорошем смысле «сумасшедший», утишает боль уныния.

Мы, конечно, обменялись адресами и телефонами, потому что мне захотелось познакомиться с её книгами, а купить их невозможно, тиражи слишком мизерные.

Иван Ефремов грандиозен не только как писатель, рассказавший нам о том, как могли бы мы жить сейчас и завтра. Но и как личность. Я давно убедился, две эти ипостаси нераздельны. А где личность, там и его окружение. Том переписки Ивана Антоновича Ефремова – это 1580 страниц текста и иллюстраций, 1275 писем и 1300 комментариев, аннотированные указатели – географические и именные. Работа Ольги напомнила мне и мой труд, еще продолжающийся: «Антология «Война и мир»: Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) в русской поэзии XX–XXI вв.».

А почитать в переписке Ефремова есть что. Но читать надо медленно, вдумчиво, с карандашом. Вот хоть письма к профессору Олсону: «*Очень широкое использование формулы Маркса «бытие определяет сознание» в этом виде является действительно метафизическим, потому что ей недостаёт 2-й части: «сознание определяет бытие».* Теперь до марксистов доходит, очень медленно, что духовное сознание является вполне реальной силой, особенно в приспособлении, выживании и «пути вверх» в целиком материалистических процессах. Кстати, если дух является высшей формой материи, то что тогда? Почему он не может быть реально силой и неизбежной «оборотной стороной» в диалектическом мире?»

Но это всё оказалось только вступлением, прелюдией. Главное было по возвращении в Москву.

Ольга оказалась намного общительнее меня, ей удалось пообщаться со многими жителями Урзуфа и узнать подробности их жизни с 24 февраля 2022 года. Я мог бы пересказать всё, но посчитал важным передать рассказ от первого лица, тем более что Ольга разрешила цитировать свои заметки (полный вариант «Звёзды над Донбассом»: <http://www.facets.ru/index.htm?issue=94&article=9432>).

«...В нашем пансионате чуть более года назад жили фашисты-азовцы, перед тем как уйти на «Азовсталь».

...На второй вечер после ужина мы вышли на песчаный берег. Полная луна вставала над совершенно тихим, умиротворённым морем. Даже лунная дорожка в волнах не дробилась, не бликовала. Ещё не стемнело окончательно, и небо отражалось в водах всеми оттенками лилового и дымчато-синего.

Тихо шли мы троём по берегу, в ту сторону, где стоял одинокий рыбак. Ольга внезапно запела «День Победы». Мы подхватили. Затем Оля завела «Дан приказ – ему на запад...», и ещё, и ещё «А вот я на фронте был», «Журавль по небу летит...» и, уже входя в пансионат, «Ходят кони...». Туго скрученная энергия того вечера – живёт во мне.

...На четвёртый день, сидя в столовой, мы услышали гул вертолётов. Я обратилась к Нелли Владимировне, заведующей столовой: что это? Она, неизменно улыбающаяся, ответила: «Не бойтесь, это учения. Если просто гудит – живите спокойно. А если гудит и бабах – то в подвал». Я снова почувствовала, что ко мне обращаются как к ребёнку.

– А у столовой есть подвал?

– А как же! И в каждом корпусе. Правило двух стен! У меня даже внуки – 4 и 5 лет – все знают правило двух стен.

Когда мы заселились, мне даже в голову не пришла мысль спросить про бомбоубежище».

Перефразирую её же фразу: все эти цитаты я привожу здесь для будущих историков, которые будут алкать правду о наших днях, правду от первого лица, а не фантастические измышления о нас с вами.

Это же желание руководило Ольгой Ерёминой при сборе материалов для книги «Аэропорт, 26 мая». Вот что она пишет в предисловии: «Книга-реквием посвящена российским добровольцам, погибшим и раненым в бою за аэропорт Донецка 26 мая 2014 года. Матери, отцы, жёны, друзья рассказывают, какими были эти воины, чему посвящали свою жизнь, что побудило их отправиться добровольцами на Донбасс». Её работа заключалась ещё в максимально бережной редакции воспоминаний родных и текстов самих воинов-добровольцев. Старалась сохранить их голоса.

Поразительно, что не в Москве, а в Мариуполе встретил я творчески близкого человека, чья жизнь посвящена совсем не эгоистическому пиару.

ПРИНАДЛЕЖИТ ГОСПОДУ

Расскажу о двух сутках жизни в Донецке. С 2014 года так много написано о жизни в нём. Заочно влюбился в него и его жителей, читая военкоров, слушая рассказы Мирослава Руденко. Если бы мне предложили поехать в Париж вместо Донецка, я бы не купился. К тому же в начале нового века в Париже я уже был, и он меня, к сожалению, не впечатлил.

И уж коли начал я сравнивать города, то имеет смысл отметить поразившее меня донецкое безлюдье. Пожив несколько дней в Мариуполе, привык, что люди беспрепятственно ходят по улицам, кафе, рынкам, ездят на автобусах и трамваях. И это в Мариуполе...

Донецк мне показывали три разных человека. Естественно, это были три разных города.

Сергей – помощник депутата и общественного деятеля Александра Кофмана, организатора фестиваля «Звёзды над Донбассом» и боец времен Русской весны доставил нас из Урзуфа на съёмку передачи на Первом республиканском телеканале. Если бы я в феврале-марте не побывал в Останкино, то не обратил бы внимания на студийные отличия, сразу бросившиеся в глаза.

На проходной в телецентр в мирной Москве столько работников спецконтроля, всяческих рамок и инфракрасных транспортёров, что напоминает аэропорт. И всё это постоянно работает, звонят телефоны, что-то говорят по рациям. В Донецке всё иначе, но из соображений безопасности скажу про другое. В фойе сразу обратил внимание на стену с фотографиями и информацией о погибших журналистах. Одна фотография принадлежала российскому фотокорреспонденту Андрею Алексеевичу Стенину (22.12.1980 – 06.08.2014), знакомому мне по книге Дмитрия Стешина. Рядом с ним: Александр Дмитриев, Всеволод Петровский, Анатолий Клян, Игорь Корнелюк, Антон Волошин. Вечная память героям, отдавшим жизнь за свободу России.

В столице другие достопримечательности и памятные события. Пока мы шли в Останкино по длинному коридору, не мог с удивлением не спрашивать сопровождающего про студии справа и слева, про лица с фотографий на стенах. «Звёздный» иноагент, иноагент, иноагент... студия иноагента сохранена... студия другого вроде бы демонтируется... Все узнают в лицо теледив, и почти никто ничего не знает про героев СВО, даже если надо сделать о них передачу. И сразу же после передачи забывают, к сожалению. И уж точно не размещают их фото в бесконечных коридорах бескрайнего информационного пространства.

Неосвещённые, холодные после зимы коридоры здания сталинской архитектуры привели нас к студии. Понимаю, что Донецк не Москва. Здесь нельзя собираться на общественные и развлекательные мероприятия. А съёмки в телецентре – тоже дело рискованное, потому что неизвестно никому, куда упадёт следующий снаряд укров, выпущенный по мирному городу.

Про съёмку я вспомнил только для сравнения. Обычная рутинная работа, надеюсь, принесла местным зрителям минуту отдохновения вечером 9 мая, потому что рассказали мы с крымской поэтессой Ольгой Даниловой (творческий псевдоним – Старушко) и про фестиваль «Звёзды над Донбассом», и о своих впечатлениях от славной донецкой земли, почитали стихи из привезённых с собой книг (Посмотреть интервью можно здесь: https://vk.com/wall-75166498_85482).

Оказалось, что мы встречались с Ольгой ещё в Москве в таком далёком и памятном 2015 году. Тогда в рамках проекта «Слово Новороссии» в библиотеке «Просвещение трудящихся» на Шаболовке, д. 36 я проводил телемосты с новороссийскими и крымскими городами. Тему эту мне предложила эмигрировавшая с Украины после майдана художница Наталья Овчинникова (Подробнее: <https://xn--2-9sb0d.xn--p1ai/slovo-o-nbsp-novorossii-16803038/read/part-3>).

С этим интервью получилось у меня ещё и интересное совпадение: 22 февраля 2023 года на митинге в Лужниках рассказывал о моём погибшем сыне для всей страны актёр Владимир Машков, над которым за выступившие во время выступления слёзы насмеялось либеральное сообщество. Редактора в Донецке звали Андрей Машков.

Вернулись мы в курортный Урзуф поздно вечером, на закате. Какие ощущения от первого посещения Донецка? Вот несколько строк мирного городского жителя по итогу:

*В небе над Макеевкой ПВО
отработало привычно и легко;
слава Богу, денёк выдался такой –
из Донецка возвращаюся живой.*

Но опять и это не главное впечатление. А важен сам Донецк: просторные чистые проспекты, зелёные бульвары, широкие пешеходные дорожки, спорткомплексы и стадионы, уютные кафе и рестораны (жаль, что мало их работает сейчас в городе).

Возвращаюсь к Сергею. С ним мы побывали не только в центре Донецка, но и объехали на машине некоторые окраины. Конечно, из окна автомобиля многое видно, только куда лучше было просто гулять, как по любому российскому городу, гулять и не бояться быть убитым шальным снарядом.

Через пару дней я добрался в Донецк уже с Виктором Дмитриевичем Ищенко. Уважаемый врач и преподаватель подарил мне свой город и показывал в первую очередь медучреждения города. С особой стороны показал. Вот Донецкое клиничес-

кое территориальное медицинское объединение. Осенью 2022 года на её территории был установлен памятник известному хирургу, архиепископу Луке (Войно-Ясенецкому).

Мы останавливаемся возле святителя, и Виктор Дмитриевич показывает на медицинский корпус со следами «прилёта»: три окна и стены между ними на втором и третьем этажах отсутствуют, и все верхние перекрытия заполнили пространство комнат первого этажа. В этом месте и находился аппарат магнитно-резонансной томографии, начавший работу в конце октября 2022 года. На территории ДНР и ЛНР это был единственный аппарат МРТ, на котором можно было выполнять обследование детей под наркозом, для этого оборудована специальная палата. Всего через полгода в результате украинского обстрела он оказался повреждён. Окна первых этажей заставлены ящиками от снарядов, а на выезде из больницы – окна и центральный вход платных медицинских кабинетов КТ и МРТ укрыты мешками с песком в рост человека.

По дороге на Саур-Могилу увидел тот же способ защиты от обстрелов на заправках.

Посетить этот мемориальный комплекс после восстановления я мечтал с самого дня его открытия. И совсем не потому, что это одна из высших точек в Донецком кряже – почти 278 метров над уровнем моря. Это географическое преимущество Саур-Могилы и стало одной из причин включения её в учебники по истории Великой Отечественной войны. В последних числах августа 1943 года советские войска овладели стратегически важной высотой. Открытие мемориала произошло 19 сентября 1967 года. На вершине стела и гигантская фигура солдата с автоматом, а справа от лестницы четыре огромных горельефа, каждый из которых живописал подвиги одного из родов войск: авиации, танкистов, пехотинцев и артиллеристов. Все скульптурные композиции, горельефы и надписи повествуют о реальных событиях и воинах, принимавших участие в освобождении Донбасса.

День нашего посещения был дождливый, штормовой. Подъём и спуск без тёплой одежды на вершину мемориала – верный способ заболеть. Но на Донбассе люди дальновидные, поэтому в багажнике машины Виктора Дмитриевича оказалась плащ-палатка, которая меня выручила.

Новая страница в героической истории высоты написана летом 2014 года, когда дорогу боевикам ВСУ преградили бойцы батальона «Восток». Всем погибшим установлены памятные таблички с именами, позывными, названиями подразделений. Рассказывать о подвигах бойцов в 1943 и

2014 годах можно долго. Лучше приехать, самому всё увидеть... и понять, насколько важна была высота, как далеко видно даже без бинокля, как непросто её оборонять и штурмовать. Ищенко посетовал, что погода скверная, а то мы бы увидели с вершины Азовское море, до которого всего-то около 90 км. Так говорят...

И хотя все пилоны, посвящённые героям Великой Отечественной, восстановлены после разрушений, на них оставлены следы боёв: танкисты, пехотинцы и летчики в пулевых и осколочных ранениях. После последних композиций почти у самой вершины два огромных бетонных куба: справа с датами 1941–1945, а слева: 2014–2022.

К сентябрю 2022 года на Саур-Могиле добавились новые композиции, посвящённые героям нашего времени. Герои Великой Отечественной не остались в стороне: в память о событиях 2014–2022 годов в плече пехотинца рядом с танкистом оставлена неразорвавшаяся (обезвреженная позже) ракета. И опять родилось четверостишие:

В одном строю они стояли.

*В одном строю в атаку шли,
в бессмертие...*

*И умирали,
чтоб в памяти потомков жить.*

Слева от монумента на вершине есть площадочка, на которой установлена звонница. Каждый может подойти и ударить в колокол в память о дорогом ему человеку. Я тоже вспомнил всех погибших за свободу России, в их числе сына и его шестнадцать товарищей по оружию, погибших в мариупольском «доме Павлова».

Донецк. Вторая половина дня 8 мая. Мы с Ищенко уже вернулись с Саур-Могилы. Мой старый знакомый, историк и депутат, душевный, отзывчивый человек Мирослав Руденко приехал на нашу встречу ближе к вечеру, и мы отправились на Пушкинский бульвар. Удивительное это дело гулять почти в полном одиночестве по многотысячному городу, по столице донецкого края. Интересуюсь у спутников, почему так малоллюдно на улицах, а на дороге почти нет машин. Мирослав, как я потом понимаю, отводит глаза и говорит, что просто на дворе праздничные дни, все выехали за город... Эту же версию услышал я и от Ищенко. И только около 9 вечера, когда мы будем возвращаться на машине под мелким и редким донецким дождичком по тёмным, без потока автомобилей центральным проспектам и улочкам, Мирослав скажет честно, что это

у меня проблема мирного жителя: праздну гулять по улицам и бульварам, общаться в кафе, посещать музеи и театры, ездить без дела по городу. Донецк за десять лет войны не просто отвык от праздничества, он привык жить строго по делу. Хотя, конечно, жители устали от этого...

Мирослав рядом со старым зданием спорткомплекса вдруг вспомнил, что давно не гулял со своими детьми по Донецку просто так, для удовольствия. Вот так, взять детей и пойти в зоопарк, кафе-мороженое, планетарий или театр кукол. Подумалось мне, что мы в мирной жизни даже не понимаем, как это скучать по театру, кино, кафе, зоопарку. Да вот хоть не получится зимой с горки покататься... А летом к бабушке в деревню выехать. В прифронтовой зоне селение. А дети растут, ограниченные в способе и праве пространственного передвижения. Ну не могут они выбежать во двор поутру, свистнуть приятелю, позвать его играть в футбол и жить без оглядки.

Отдыхаю в небольшой гостинице с латинским названием в переводе на русский «Господь» (или «принадлежит Господу») почти в самом центре города между улицами Университетской и Артёма. Обратил внимание на информацию на дверях из коридора на этаж: стандартный знак запрещения – перечёркнутый круг на фоне автомата, гранаты, бомбы, пистолета и финки. А рядом такое привычное запрещение курения смотрится даже мило, но никем не исполняется этот запрет...

Киевский район – один из часто обстреливаемых, судя по количеству закрытых магазинов и кафе. Многие первые этажи не имеют стёкол. Красивый супермаркет на другой стороне улицы сохранил только вывеску, а стёкол, через которые можно заглянуть в магазин, – нет, вместо них сплошные щиты, то ли фанеры, то ли ещё чего-то, не разобрать через широкий проспект. Кстати, в соседнем доме заметил действующую лавку «Стеклорезка». И это, кстати, тоже в самом центре города, как некая характеристика жизни последних непростых десяти лет. Накануне вечером мы ужинали с Ищенко в кафе «Гуси-лебеди», в том самом, где официантка, хотя и сама была ранена, не спасовала и во время обстрела помогла посетителям покинуть зал, за что её наградили медалью «За отвагу». Киваю в ответ, мол, читал, знаю, а сам смотрю по сторонам и в окно, думая, что буду делать в случае прилёта и где же здесь тот самый спасительный подвал.

В этом кафе есть вода в туалете (и она пресная), можно помыть руки, привычно открыв кран. Таких мест в Донецке, где есть своя скважина или боль-

шая цистерна, очень немного. Следующим вечером я оказался бы в неудобном положении, если бы при входе в туалет не обратил внимания на ведро с водой (думаю, читателю не надо объяснять наличие ведер перед кабинками). Ах, как я хорошо себе представляю визг наших иноагентов или приученных к комфорту менеджеров-потребителей, кабы им пришлось воспользоваться таким некомфортным ведёрком, если бы они догадались, конечно, зачем оно тут стоит...

Кафе «Гуси-лебеди» расположено рядом с трагически известным «Сепаром» – местом гибели Захарченко, сейчас закрытым. Во весь широченный вход растянута плакат с портретом и словами «Место гибели первого главы ДНР».

Завершал я своё первое пешее знакомство с Донецком на Пушкинском бульваре. И если бы не пустота вокруг, то реклама доставки цветов с двумя девушками, прижавшимися друг к другу спинами, возле ресторана «Barberry» вполне могла соответствовать московской или питерской стилистике. Кстати, страница ресторана в vk заполнена фотками женских посиделок, а мужчины, судя по фотографиям, посещали его семьёй или с подругами до февраля 2022 года.

И на Пушкинском бульваре меня ждал приятный сюрприз. На фоне цветущих деревьев и цветов по самой середине широкой, вымощенной плиткой прогулочной дорожки на стендах с заголовком «Герои и подвиги» была размещена информация о героях Великой Отечественной войны и героях дня нынешнего. Константин Ольшанский и Алексей Бернгард, Ким Шатило, Дамир Исламов, Иван Цевун, Дамир Гилемханов, Максим Серафимов и морпех 810-й отдельной гвардейской бригады морской пехоты с позывным «Струна», герои медицинской службы Фёдора Пушина, Вера Кашеева, Екатерина Иванова и Мария Мирошниченко, герои «Молодой гвардии» и сыны полка, воспитанники 155-й армейской пушечно-артиллерийской Новороссийско-Севастопольской бригады 10-го Украинского фронта Виктор Евстифеев, Владимир Узбеков, Сергей Паршин и Николай Печененко, последний спустя многие годы после Великой Победы написавший книгу воспоминаний «Опалённая судьба». И это не все герои, о которых вспомнили в Донецке...

Бульвар скромно, но вполне достаточно освещён приглушённым тёплым жёлтым светом фонарей, такие же фонари вдоль центральных улиц и в городе. Донецк – город прифронтовой, но ничего не боящийся, активно живущий, созидающий, сражающийся с врагом на фронте и в тылу.

Впечатления накапливались, аналитика же evidentemente происходила намного позже самих событий и отзывалась как эхо. Мы гуляем дотемна, не глядя на часы, мне некуда спешить, но я вижу, что Мирослав неспокоен. Потом я вспомню, что в Донецке есть комендантский час. А значит, с 22.00 мне даже с документами передвигаться по городу уже нежелательно.

Всё время прогулок, ужина и поездок мы общаемся. В этот раз Мирослав спрашивает больше, чем я. Он рассказывает про Донецк прошлого и настоящего, предваряя мои вопросы. Он же филолог, историк, кстати, и книгу он подарит, в ответ на мои, по истории Донбасса. Автограф Руденко оставил подаренной коллективной монографии «Русский Донбасс: исторические, духовно-интеллектуальные и экономические основы». Нам нужны такие книги про каждый регион России, чтобы было в них правдиво рассказано про каждое ключевое событие не либеральными реформаторами, антисоветчиками и русофобами, а патриотичными историками.

В Донецке с жителями пообщаться не удалось. Все встречи были в Мариуполе.

Вы можете не понять или не поверить, но жители этого города мне ближе, чем жители Нижнего Новгорода или Москвы, где я прожил всю жизнь. Они пережили то, что стало частью судьбы сына, а значит, и моей собственной. Мы с ними почти родственники. Что сближает людей сильнее всего? Общая беда... И общая мечта о победе.

Я пытаюсь узнать об их жизни больше; каждая история дополняет видение прошлого – нашего общего прошлого.

Одна из первых пеших прогулок по Мариуполю к восстанавливаемому храму Архангела Михаила на Соборной улице принесла встречу со старушкой. Она бойко семенила от проспекта Мира по проспекту Metallургов с сумкой на колёсиках и полной авоськой. Может, пережитое сделало мариупольцев более общительными? Поэтому она, сначала выслушав мой монолог: кто я и откуда, – откровенно отвечала на все мои вопросы, пока мы шли несколько метров от поворота с Итальянской до тупика из-за ремонта на Metallургов.

Вот история этого краткого уличного знакомства. Её и двух внучек эвакуировали из Мариуполя в конце марта в Нижний Новгород, а дочь осталась. Пережила весь период освобождения города и всю зиму после. В их семье никто не погиб. Эвакуацию в Россию вспоминает с благодарностью: хорошие условия проживания, питание, постоянные экскурсии, учёба внуков в школе и колледже. Удивило её

лишь одно: неблагоприятное капризное отношение многих эвакуированных к быту, то борщ недостаточно густ, то шампунь не так пахнет, то автобусы без кондиционеров...

Вечером того же дня, уже в комнате приморского отеля, впечатлениями от рассказа городского старожила я поделился с Б.К. Ганнибалом. В ответ он рассказал следующее.

Оказывается, что он тоже побродил по Мариуполю и встретил другую жительницу в полуразрушенном домике на той же улице Metallургов. Женщина жила одна последние годы, и ей было абсолютно всё равно, чья власть в городе, в какой стране жить, главное, чтобы всё у неё было: пенсия, свет, вода, газ и медицинское обслуживание. На вопрос: «за кого же она?» ответ поразил: «Новые мне ничего хорошего пока не сделали, а прежние меня предали. Они обещали в феврале, что свет отключают только на две недели. А пришлось жить без света, воды и пенсии до самой осени. Ну а сейчас пусть даже пенсия, свет и вода есть, а вот сгоревшие документы на дом до сих пор не могут восстановить». Она откровенна и немного наивна, поэтому честно говорит, что, кроме полуразрушенного дома, у нее ещё квартира есть и квартиру уже отремонтировали.

После обмена впечатлениями от общения со старшим поколением города у нас с Ганнибалом возникло двойное чувство, так как дальше мы эмоционально обсуждали его встречу и общение с поколением нынешних школьников.

Мне не довелось поехать по школам, но, если честно, я и представить себе не мог, о чём мне – отцу русского солдата, к которому у них точно неоднозначное отношение, можно будет с ними поговорить. Ганнибал же приехал к учащимся с рассказами о Пушкине.

И тут первая неожиданность. Школьники 5-7 классов не знали не только стихов Пушкина, но и, к огромному удивлению, о самом поэте ничего не слышали. Хотя учительница пыталась поправить ситуацию и утверждала, что в школьной программе этот автор был. Но дети почти никогда не врут, если это не касается их собственного поведения. И пришлось Борису Константиновичу начинать с самого простого: со сказок, с детства поэта, с лица и войны 1812 года. И так проходили почти все его встречи.

Долго мы обсуждали с Ганнибалом способы решения этого колоссального пробела. И в очередной раз оказались в тупике, так как педагогов времён украинизации надо обязательно переучивать, а для опытных или молодых из российской глубин-

ки программа переезда до сих пор не разработана, но ведь уже год прошёл со дня освобождения Мариуполя... и не за горами новый учебный год. Исходя из впечатлений от встречи с учениками, мы сделали неутешительный вывод и о педагогическом составе вузов. Уж если активно чистили весь прорусский состав в библиотеках и домах культуры, то вузы точно не прошли стороной. Много вопросов принесла мне эта поездка. Охами и ахами и даже нашими с Ганнибалом желаниями безвозмездно помочь своими знаниями мариупольцам изменить ситуацию невозможно.

Так как все наши фестивальные мероприятия проходили в помещении университета им. Куинджи, то трудно было не встретиться со студентами. Я не пропустил такую возможность. В один из перерывов между семинарами у входа в «Купол» разговаривали две девушки и юноша. Оказались они жителями разных городов и посёлков ДНР. Одна девчужка была мариупольская и прожила с семьёй все дни освобождения в пригороде у моря, потому что дом оказался разрушен. На мой вопрос, почему они не уехали учиться в университеты других городов России, тем более что такая возможность была, дружно ответили, что захотели остаться дома. Ребята оказались открытыми для разговора и даже на болезненную тему о погибших близких ответили: в их семьях и у родственников никто не погиб. Эта информация в очередной раз меня порадовала, значит, не все жители Мариуполя смотрят на меня как на виновника пережитого ими в марте-апреле 2022 года.

Ещё по дороге в Мариуполь запланировал я посетить новые кварталы, в которых в марте побывал президент, и покататься на первом мариупольском трамвае. Столичные и сбежавшие болтуны называли эти кварталы потёмкинскими деревнями. Мне показалось, что я просто обязан развеять мифы и наговоры.

И трамвай я увидел, и по новым кварталам мне удалось погулять, посмотреть на спортивные площадки, детсады и пообщаться с жильцами. Когда мы с Виктором Ищенко подходили к одному из домов, начался дождь. Навстречу нам из подъезда вышел мужчина пенсионного возраста и пошёл к своему автомобилю на стоянке. Я представился и попросил ответить на несколько вопросов. Очень хорошо, что я был не один, потому что на его вопросы я не смог бы дать ответы. Оказалось, что он с семьёй живёт в новом доме с осени 2022 года, что площадь предоставленной квартиры соответствует площади разрушенного во время боёв жилья, что квартира с полной отделкой, вода

и электричество было с первого дня. Пока мы общались, из соседнего подъезда вышла семья с собачкой. Абсолютно мирная картина в городе, который ещё совсем недавно закончил хоронить сотни и сотни своих жителей, погибших от руки нацистов. Показательны оказались вопросы мариупольца, когда он узнал, что перед ним депутат. Я уже многие из них слышал: о трудностях с получением российского паспорта, о восстановлении сгоревших документов на землю, дом, о получении материальной помощи... Правда, оказалось, что мариупольец ещё не слышал об открывшихся МФЦ, столь привычных для россиян. Первый начал работу как раз в те дни, когда он с семьёй переезжал на новую квартиру, видимо, за радостной суетой пропустил полезную новость.

Мне показалось невозможным не упомянуть, что некоторые жители освобожденных территорий, жалуясь на трудности, не спешат устраиваться на работу. А уж вакансий в городе предостаточно, да и оплачивается более чем хорошо. Но некоторые ждут курортный сезон, имея домик на берегу моря, другие просто «ждут», тянут, присматриваются, как бы чего не вышло... а вдруг власть опять сменится. И продолжают жаловаться.

Таких я видел и в Мариуполе, и в Урзуфе. Разговорившись по дороге на море с патрулём, который увидел меня – нового человека, расспросил: кто я и откуда, где живу, а узнав, что я московский писатель, начал отвечать уже и на мои вопросы. Крепкие парни из патруля, в камуфляже и с автоматами, оказались донецкими. Один служит с 2014-го, а другой подписал контракт весной 2022 года, оставив до Победы учёбу в институте. По их словам, они заходили в Мариуполь вместе с 810-й бригадой морской пехоты, вдоль Азовского моря, и базировались в районе Виноградного. Я рассказывал им, они мне. Я пытался найти танкистов ДНР, которые помогли вытащить разбитый «Тайфун», в капсуле которого оказались заблокированы 200-е и 300-е.

Мы выяснили дислокацию – храм Архангела Михаила, день и время. И, обращая друг к другу, они одновременно называют позывной танкиста, по их мнению, участвовавшего в той операции. А потом мы вместе провожаем взглядом ватагу парней, их одногодок. Они не подлежат призыву, их не принуждают работать для фронта, это местные прожигатели жизни, существующие за счёт курортников и привлекающие к своим развлечениям девчат, лишённых внимания достойных мужчин, ведь почти все эти мужчины ушли на фронт. Ситуация напомнила мне столицу, когда при взгляде на тусующуюся молодежь очень хочется не то чтобы загнать её

на фронт (смысла от неё там, скорее всего, не будет), а хотя бы просто жёстко встряхнуть и спросить: «Что вы сделали для фронта? Сплели маскировочную сеть? Сдали кровь?»

К слову сказать, благодаря знакомству с Сергеем из Донецка я привёз домой просьбу Отдельного танкового батальона ДНР. Оказалось, что для полноценной работы квадрокоптеров им необходим скоростной 3D-принтер. Дроны бьются, а мелкие детали легко заменяются, да вот плечо доставки очень долгое, а время не ждёт. Вернувшись домой, объявил сбор средств, разослал с женой письма по знакомым мне людям, коллегам с обращением и объяснением острой необходимости в закупке важного оборудования. Про тех, кто по той или иной причине не откликнулся, не хочу говорить. Важнее сказать о неравнодушных, чьими стараниями удалось купить принтер и расходные материалы, отправить его танкистам. Немного успокаивается моё сердце после помощи нашим бойцам. Так же увереннее в завтрашнем дне я почувствовал себя после просьбы жительницы Мариуполя о помощи в перечислении части своей пенсии фронту или, слушая о том, как Борис Константинович Ганнибал рассказывал о Пушкине новым гражданам России, ученикам школ Мариуполя. Этим ребятам и девочкам жить в новой России. Громко сказано? Нет. Это обычная, в чём-то рутинная духовная работа: просвещение заблудших или не оформившихся ещё пока душ, чтобы вошли они в храм Ве-

ликой России, как приходят в церковь к причастию. Пусть обретут они веру в человека, надежду на счастье и любовь к жизни ради высокого служения.

По дороге домой я вспоминал поезд из Москвы в Ростов-на-Дону, как я планировал поездку, намечал, что надо сделать. И вот уже пришла пора подводить итоги моего казавшегося прежде несбыточным путешествия и ничего не забыть о таких разных встречах и городах.

Хотя признаюсь, что одно важное событие всё же осталось за пределами сегодняшнего моего повествования. И внимательный читатель заметил, конечно, какое.

Это – Луганск и праздничный концерт московских артистов в День Победы в ДК им. Ленина на улице Розы Люксембург.

Всеми своё время...

02/10 мая – 3 июня 2023, Троицкая суббота

Продолжение следует

Борис Иванович ЛУКИН –

поэт, критик, переводчик, издатель.

Родился в 1964 г. в городе Горьком (Нижний Новгород).

Выпускник Литературного института им. А.М. Горького.

Работал редактором в изданиях «Российский писатель» и «Литературная газета», главным редактором МХАТ им. Горького. Преподаёт в Институте театрального искусства им. П.М. Ершова.

Публиковался в российских и зарубежных периодических изданиях.

Книги стихов «Понятие о прямом пути» (1995),

«Междуречье» (2007), «Долгота времени» (2008),

«Поединок» (2010), «LeLь» (2012), «Сад земной» (2019),

«Чернец» (2019), «Летосовращение» (2021).

Автор книг: «Жить-нам-поживать. Переводы из коми поэзии»,

«Олонхо на два голоса. Переводы из якутской поэзии».

Лауреат Большой литературной премии России и др.

Имеет государственные награды за литературные труды.

